

ВОСТОК

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

КНИГА ПЕРВАЯ

«ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ПЕТЕРБУРГ—1922 Г.

какие-нибудь элементы в обще-человеческую сокровищницу. Нельзя забывать, что она насчитывает едва сто лет своего существования и для своего народа сделала многое. Следить за развитием человеческой души, как она открывается в ней, благородная задача для всякого мыслящего человека. И только таким путем можно узнать настоящий восток, не закутанный дымкой наших собственных фантазий, но и не отраженный вогнутой зеркалом надменного европейского высокомерия.

Петроград.
22 февраля 1922 г.

И. Крачковский

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ В КИТАЙСКИХ ПЕРЕВОДАХ

Обстоятельства, при которых пишется эта статья, по существу дела, не позволяют автору назвать ее так, как он ее назвал, ибо те несколько запоздалых и разрозненных номеров китайских журналов, которые случайно дошли до умеющего их читать, не дают достаточного материала для суждения о «писателях» и «переводах», а скорее, лишь об одном писателе и об одном его переводе. Однако, при внимательном просмотре можно было в этих журналах наблюдать явление, выходящее за пределы случайности, и, таким образом, множественное число заголовка статьи, хотя и не планомерно, но оправдывается.

С тех пор как китайский классический язык, овладение которым достигалось на его родине с таким чудовищным трудом, перестал безраздельно царствовать в китайской литературе и слышимые уху формы языка начали поднимать голову, в китайской литературе была пробита большая брешь, в которую сразу устремилось все то, что ранее бушевало за плотинной живой моря человеческой мысли, но от цветущих садов литературы было отгорожено затейливо построенною и заботливо поддерживаемой стеной. И прежде всего, в ритмическую, музыкальную, построенную из древних мелодических единиц китайскую речь, которая до этого времени все идущее со стороны должна была предварительно подвергать музыкальной трансформации на старинный лад, в эту речь хлынули бесконечные потоки переводов с иностранных языков. Для них уже не существовало непреодолимых трудностей переложения на старинную речь, к их услугам оказался живой, разговорный язык и его многообразные компромиссы со старым, так что любое произведение Запада могло уже пайти себе быстрю кисть ловкого переводчика.

В первую очередь, конечно, пошли английские и американские писатели, и понятно почему: англо-американская культура наводнила и очаровала Китай более, нежели какая-либо другая.

За переводами с английского шли переводы с французского, немецкого и других языков. Переводы с русского шли в последнюю очередь, и до позднейшего времени вряд ли даже существовали, или если делались, то не с оригинала, а с английских переводов. Тем не менее дело ознакомления китайцев с русской литературой, хотя бы и из вторых рук всетаки подвигалось, и Толстой, Достоевский в некоторых своих частях переводились на китайский язык.

Однако, перед тем, как перейти к исследованию переводов русских авторов на китайский язык, для восстановления полной справедливости, надо отметить одно обстоятельство, отлично знакомое автору этих строк, как имеющему опыт преподавателя китайского языка русским людям и русского языка китайцам. Надо знать, что, поскольку «китайская грамота» пугает обывательское воображение русского человека своею трудностью и поскольку она, действительно, трудна для усвоения,—как первоначального, так и особенно дальнейшего,—постольку же и русская грамота трудна китайцам до неслыханной степени.

Таким образом, автору этих строк, порвавшему, по независимым, как говорится, обстоятельствам, связь с Китаем много лет назад, совершенно непонятно, откуда взялись все эти вдруг всплывшие перед ним в случайном журнальном номере имена переводчиков с русского: Гэн Куан, Цзюй Цюбо, Шэнь Ин, Се Исиш, Ань Шоун, Кан Юн и т. д. Впрочем, как видно, это секрет полишинеля: вряд ли не все эти лица переводят русские произведения не с русского языка, а с английского. Тем не менее, они, повидимому, очень активны, и в журнале «Новый Китай» (Синь Чжун Го), от 15 мая 1920 г., находим следующее, переводимое здесь дословно, объявление:

Мелкие рассказы знаменитых русских писателей.

Анонс издателяй.

«Русская литература и в самой России и во всем мире имела исключительное значение. Литература же есть именно то самое, что проявляет нам душу всего народа, его думы и его дух. Господа, желаете Вы понимать душу русского народа? Желаете Вы знать его думы и его дух? Хотите постичь, откуда идет все то, что он сейчас переживает?—В таком случае, нельзя обойтись без чтения русской литературы! И нельзя обойтись без готовящихся к выпуску изданий нашей фирмы, содержащих в себе мелкие повести знаменитых русских писателей.

Для этой цели мы пригласили гг. Гэн Куан, Цзюй Цюбо, Шэнь Ин и других, всего девять человек, отлично владеющих русским языком (?), которые выбрали и перевели для нас пятьдесят небольших повестей знаменитых русских авторов, что дало, в общем, до 400.000 иероглифов и представило 29 русских авторов, начиная от Пусидзинь¹⁾ (Пушкин) и до Гэлэцзи (Горький). В их числе видим имена: Гэголи (Гоголя), Тугэнефу (Тургенева), Тоэрсытай (Толстого), Чайхофу (Чехова) и др., как представителей плеяды русских писателей.

К каждому автору мы прилагаем его портрет и краткую биографию.

Первый сборник (из предполагаемых четырех) выйдет (объявление запоздало!) 30 апреля.

Все, следящие внимательно за русской литературой, не могут не читать.

Все, внимательно присматривающиеся к современному состоянию России, не могут не читать!»

¹⁾ Произношение и транскрипция собственных русских имен дается здесь не по шанхайскому диалекту, как бы следовало, в виду того, что книга издается в Шанхае, а по пекинскому, главному и доминирующему. Автор статьи руководится при этом следующими двумя соображениями. Во первых, неизвестно, к какому диалекту подогнана транскрипция, ибо это субъективное дело издателя, и никакой определенно устойчивой традиции здесь нет. Во вторых, при всей своей чудовищной несообразности с изображаемым, пекинская транскрипция имеет в науке Европы закономерную традицию.

Это запоздалое объявление сопровождается другим, из которого мы видим, что китайцы, вместе с русскими авторами, легко заимствуют и русские издательские привычки. В самом деле, объявив точную дату выпуска первого сборника 30 апреля 1920 года, они во втором объявлении сообщают о том, что этот срок переносится на конец июня. Вышло, наконец, издание или нет, неизвестно.

В объявлении перечисляется содержание первого сборника:

1. Станционный смотритель (Пушкина), в переводе Шэнь Ина.
2. Снег-сват (Метель), в переводе того же лица.
3. Повозка с лошадыю (Коляска) Гоголя, в переводе Гэн Куана.
4. Сорока воронка, Герцена (Гайэрцэнь), в пер. Гэн Куана.
5. Девять писем, Тургенева, в пер. Шэнь Ина.
6. Плотничья артель, Писемского (Писэмусьтэ), в пер. Се Исина.
7. Солдат, охраняющий гору (Часовой?), Жуйсыкофу (?), в пер. Гэн Куана.
8. Ночь, Станюковича (?) (Сытаньнукавэйцзы), в пер. Ань Шоуи.
9. Мгновенье, его же (?), в пер. Кан Юна.

Тут же сообщается, что некий Чжэи Чжэньдо составил для издательства «Краткую историю русской литературы».

Подписано: Издательство: «Новый Китай».

Кроме этого номера «Нового Китая», мне удалось еще видеть несколько номеров «Новой Молодежи» (Синьциннянь), в которых помещены переводы рассказов Тургенева: «Первая Любовь» и «Вешние воды», сделанные разными людьми, повидимому, через посредство английских переводов; тут же видны переводы рассказов Куприпа, Телешова, Сологуба, при чем здесь переводчики уже определенно заявляют, что они переводили не с русского, а с английского.

Для операций критики, таким образом, кое-какой материал уже имеется. Ко мне на достаточный срок попала лишь незначительная часть этого материала, и я могу судить о китайских переводах пока лишь по внимательно просмотренному мной переводу рассказа Толстого «Три Смерти», сделанному Гэн Куаном, и отчасти по переводу «Вешних вод» Тургенева, кажущемуся мне, впрочем, подозрительным.

Рассказ «Три Смерти» (Сань сы) в переводе упомянутого китайца, помещен в том же самом номере «Нового Китая» (Синь Чжун Го), в котором находится приведенное выше объявление о русских писателях в переводе. Первый вопрос, который я задал себе, был все тот же: с русского ли оригинала сделан перевод? Цельный ряд подробностей убеждает меня, что этот перевод сделан с русского.

Перевод этот, вообще, довольно верный, особенно в передаче разговорных фраз, которые иногда удачно идиоматизированы, и их приятно читать. Таким образом, заранее оговариваюсь, что перевод этот не кажется мне ученическим упражнением, но все, что можно положительного сказать об этом переводе, вряд ли не ограничивается вышеприведенной парой слов. Остальное—увы—комплиментом переводчику послужить не может.

Совершенно очевидно, что переводчик, взявшийся за это высокохудожественное произведение, требующее, прежде всего, глубокого понимания русской жизни и, конечно, безупречного знания русского языка,—переводчик Гэн не соразмерил своих сил с задачей. Две совершенно разные стихии—китайская и русская—не нашли в нем ни намека на слияние и синтез. Он понял русскую жизнь, преломленную в рассказе, как скучные бытовые подробности, проявив, при этом, полное бессилие и зачастую полную безграмотность.

Он, прежде всего, в беспомощном непонимании своих задач, допустил в своем переводе такие пропуски,—особенно в описаниях и характеристиках,—которые могут назваться только преступными. Толстой убит: китайский читатель видит перед собой разные разговоры о смерти—только! Можно, конечно, понять, почему он эти пропуски делал. Тем, кто когда-либо преподавал китайцам русский язык, отлично известны их мучения при понимании русского сложного периода, тем более ритмического, который от начала до конца противоречит основным правилам китайской ритмики. Понятно, что передать русский период адекватным китайским—задача нелегкая.

В переводе есть целый ряд погрешностей, не имеющих особого значения, если только, конечно, из снисходительности к переводчику, на некоторое время, вообще, забыть, что в этом произведении Толстого каждое слово имеет вес и значение и, следовательно, всякий пропуск—преступление.

Так, Гэн пропускает подчеркиваемые ниже слова: простой *мещанин*, *рыжее*, худое лицо (у него так: «лицо, исхудалое до безобразия»); *внутренно* покашливая (у него просто: кашлянула); *лились* и капали *прозрачные* капли; слабым и *недовольным* голосом; ты чаю, *шабала*, Фельдку спрашиваешь?

Гэн пропускает: *оглядываясь на другого ямщика, покрикивавшего* сзади в коляске (у него: на коляску сзади); *параллельные* широкие следы шин *ровно и быстро* стлались по известковой грязи дороги; руки, *покрытые рыжими волосами*, мокал *редкие отвисшие* усы в темной воде и т. д.

Уже труднее оправдать пропуски в роде *вижеследующих*: Боже мой, *за что же?*; *нервически* отталкивая *красивою* худошавою рукою *конец* салопа горничной; *рот* больной *вдруг* *детски* *изогнулся*; *тяжелые* восковые руки и *окаменелые* складки *покроба* и т. д.

И уж совершенно непростительны пропуски, в роде заключительной реплики кухарки: «А тоже, чистоту спрашивают!» или слов Сереги: «Я камень куплю, как сказал, куплю,— в полтора целковых куплю» или еще из рассказа Настасьи о своем сне: «Да как замахнется?»—без чего непонятны следующие ее же слова: «На меня страх и нашел».

Разберем теперь, как поступает переводчик в тех местах, где он не хочет делать пропусков. Здесь мы видим, что он действует двояко: с одной стороны отделяется от трудностей перевода дословщиной, с другой, наоборот, явной неточностью.

Дословщиной он, прежде всего, обнаруживает свое бессилие справиться с текстом, даже при полной данной ему теперь воле распоряжаться с древним достоянием классического языка по своему усмотрению. Так, во фразе: «Поймите мое положение» он переводит *положение* тем же словом (дивэ́й), которое означает, напр., географическое положение. Когда больная говорит о себе, что она стала «страшная», то *китаец*, не усумнясь, переводит словами *кэ на*, т. е. «наводящая страх», и явно не видит, в чем дело.

Особенно режет глаз дословщина в его переводе наименее существенных, но наиболее трудных для переводчика-китайца религиозных реплик, наводящих рассказ, и с китайской точки зрения, поистине, нестерпимых. Так, поминутно встречающиеся: «Боже мой», он переводит дословным: «Мой Верховный Владыка», т. е. миссионерским термином, делающим китайскую речь противной экзотикой, и т. д.

Впрочем, придя в отчаяние от этих, действительно, колоссальных трудностей, он прибегает к излюбленному средству—пропуску, и выражения,

в роде: Слава Богу, дай Бог, Христос с Вами, мой друг; Прости, Господи, согрешихъ; для Бога все возможно, и т. п. у него опущено, и я, право, не знаю, как можно было бы их передать на китайский язык, не уродуя нормального китайского впечатления.

Неточность поражает у китайца, прежде всего, конечно, в терминологии русских вещей и понятий. Так, «почтовый ящик» у него просто «кучер», сапоги, о которых говорят между собой ямщики и которые он себе не представляет, как следует, у него то сапоги, действительно, то... туфли. «Армяк» оказывается «одеялом», ибо им покрывается большой ящик. «Угол» у него «полкомнаты». «Духовник» — то же слово, что и «миссионер». «Целовать» передано через «приближаться» (обыкновенно к этому слову для обозначения поцелуя прибавляют еще слово «рот»). «Ребята» передано через «господа» и т. д., зато, для слова «ангел» китаец не мог придумать ничего лучшего, чем полную транскрипцию: аньщар.

Далее, неточность очевидна в транскрипции русских собственных имен при помощи алфавитных иероглифов. Получаются, — особенно если читать по пекински (а на это все имеют право) — такие фонетические причуды: Мадэлайша (Матреша); Айдуа (Эдуард Иванович; примечание: «это имя врача»); Акэшуша (Аксюша); Хэфаньдаоэр (Хведор и Федя); Сэлигэ (Сергея); Насыдацзи (Настасья); Мали (вм. Мария Дмитриевна) и т. д.

От неточностей Гэп переходит к пересказам трудных для перевода мест. Для этого он, прежде всего, сокращает периоды. Так, например, сложное построение в роде: «стал давиться горловым, неразрешавшимся кашлем» передано просто, как: «сильно закашлялся»; слова «с жадною мольбой» китаец переводит неологизмами: «проявив дух (или вид) слезно просящей»; в бесподобном описании мертвой, лежащей в зале, выражение: «странно звучали и замирали слова» передано кое-как через «мертво, глубоко там он читал».

Действуя все в том же направлении, переводчик прибегает к замещению. Так, слово «мигнула» у него передано через «позвала рукой»; «сырая мгла сыпалась» — у него: «растлила густой туман»; «нет тебе простору никакого» — у него: «чтож мне, по его, выходит делать?»; «большого не было слышно» — у переводчика: «все они не обращали на большого внимания»; «впалые тусклые глаза» — у Гэна: «пара скорбных, грустных глаз» и т. д.

Но особенно заметно ужасное действие пересказов на гениальных описаниях природы, из которых исчезла вся поэзия. Достаточно, думаю, будет одного примера, хотя бы части периода, описывающего раннее утро в лесу.

«На всем лежал холодный матовый покров еще падавшей, неосвященной солнцем росы. Восток незаметно яснил, отражал свой слабый свет на подернутом тонкими тучами своде неба». У китайца здесь так: «В это время ночная роса еще не высохла. Восток уже побелел. Слабый, неуловимый свет солнца стрелял в небо покрытое слоями облаков». Все дальнейшее в том же роде.

Конечно, как надо было и ожидать, перевод избранного Толстым места из Псалтыря превратился в дикий набор слов. Привожу Толстого:

«Сокроешь лицо Твое, — смущаются, глася псалтырь, возьмешь от них дух — умирают и в прах свой возвращаются. Пошлешь дух Твой — созидаются и обновляют лицо земли. Да будет Господу слава во веки».

У китайца: «Закрой свое лицо, уснойкой свой дух — умер (или умерли, умрут и т. д.), и еще стал мертвым пеплом. Пришли сюда твой дух, снова создай лицо земли. Верховный Владыка, вечно, вечно, молюсь, славословлю тебя!»

Толстой, как видит читатель, от таких переводческих операций над «Тремя смертями» сам потерпел четвертую.

По совершенно непонятным причинам китаец допускает иногда ненужную отсебятину. Так, «быстрые, черные глаза» у него переведено в виде «пара светло-хрустальных черных глаз»; «прожеванная кусок» у него дополнено: «хлеба»; «лицо нагнулось с печи» — у китайца прибавлено: «в черной тьме»; «воробьи нескладно подпискивали, подшаркивали на своих маленьких крыльях» — у китайца: «малые воробьи порхали, вертя крыльями, веселье—веселье»; «слезы лились сильнее» — у китайца: «слезы—совсем, как дождь, капали вниз» и т. д.

Ясно, что при подобных манипуляциях легко могут получиться извращения смысла. И действительно, таковых не мало. Среди них замечаем некоторые, при известной снисходительности к переводчику, не особенно важные, как, например: вместо «перед носом» — «сбоку»; вместо «робко» — «в полном горе»; вместо «ехали рысью» — «ехали, словно летели»; вместо «было душно и пахло одеколоном» — «все было в пыли» и т. д.

Однако, целый ряд извращений смысла простить уже нельзя. Так, нельзя передать предостережение больной из уст ее мужа: «дорогой будет хуже» через «дорога будет хуже (для езды)». Нельзя понять «слова не держать» через «ни слова не упоминает». Бесконечно груб человек, который совершенно исключительную по гениальности фразу о мертвой жемчужине: «она вся была вниманье» — тем более в контексте с чтением псалтыря — переводит так: «а она была довольна-предовольна!». Кухарка, удрученная кашлем ямщика, жалуется, что у нее «даже у самой внутренность болит», а у китайца выходит, что у больного «внутренности уже повреждены». «Священник встал и подошел к старушке. — Точно-с, материнское сердце никто оценить не может, сказал он, — однако Бог милосерд». Читаем у китайца: — «Конечно, с сердцем любящей матери никто не может сравниться по красоте, и только Верховный Владыка тоже очень любящий и сострадающий»...

Еще хуже, когда китаец дает в переводе смысл, совершенно обратный подлиннику. Так, у него находим «густые ресницы», вместо «редких», «полусветлые, полупогасшие свечи», вместо «яркий восковой свет»; «пара светлых красивых глаз», вместо «глаза были прекрасного, темного цвета»; «легким шагом», вместо «тихим шагом»; «звук топора был очень велик» вместо «топор низом звучал глуше и глуше»; «все деревья зазеленели» вместо «пухнули почки дерев».

Наконец, все эти переводческие недоразумения переходят в сплошной анекдот. Так, бессмысленное обращение со словарем дает возможность, оказывается, перевести слова кухарки: «Куда уж тебе дрова рубить?» через «Куда ты идешь дрова рубить?» Больной ямщик просит «спить», что заезавшемуся над словарем китайцу кажется легко переводимым через «*поспать* часок». «Роса заиграла на зелени» — китаец переводит буквально «роса забавлялась, играла на траве». «Я вам доложу (говорит священник матери больной) в моем приходе был один большой, много хуже Марии Дмитриевны». Китаец понял это так: «Я вам скажу, когда я пришел сюда, здесь тоже был большой, еще хуже Марии».

Ряд других анекдотов объясняется незнанием русского быта. Читаю у Толстого: «(священник) сидел и держал что-то завернутым в эпитрахили». Китаец переводит: «В руках, *неведомо чем* играл». Вместо «напоминать ей о последней воле», у китайца: «Только и можно, что возложить на *небесную* волю (судьбу)». «Матреша высунула толстую руку из-под платка

и перекрестилась». Китаец, видевший у себя на родине, что все нормальные люди молятся непременно обеими руками, воздымая их к груди и лбу, пишет: «высунула *обе руки* и замолилась». «Простая лекарка» трактуется, как «обыкновенная женщина-врач». «Ширкинская барыня» оказывается «барыней из города Цицзыцзинь». Муж большой, освободившись от участия в обязательстве по отношению к ней, говорит доктору, с веселой улыбкой потирая руки: «Ну что, Эдуард Иванович,—я велел погребцу прийти, вы как думаете насчет этого?»—Можно с определенностью сказать, что «насчет этого» думал доктор и что было в погребце. И только, один китаец думает, что там был... чайный прибор.

«(Перед домом умершей) была настлана свежая солома». Неискушенный в прелестях петербургских мостовых китаец наивно думает, что «перед домом лежал... соломенный матрасик». Здесь я не пишу: и т. д., ибо анекдотическую часть, как наиболее характерную из всех, изложил полностью.

Таков разбор одного из китайских переводов, наводящих в настоящее время китайскую новую литературу. Я мог бы сделать разбор и другого перевода, а именно, перевода «Вешних вод» Тургенева, но боюсь, что буду повторяться, ибо перевод этот, по меньшей мере, не лучше перевода «Трех смертей».

Значит, великое произведение русской литературы, выбранное китайским переводчиком, повидимому, исключительно, как удобное для серии небольших повестей, принадлежащих знаменитым русским авторам, извращено в макулатуру. Для меня несомненно, что на китайца, по своей культурной природе, самого, кажется, чувствительного к литературным красотам из всех азиатов, этот перевод произведет отталкивающее впечатление, которое неизвестно кто и когда начнет рассевать. И вместе с тем, здесь фатальная компенсация за наше обращение с китайской литературой, которая русскому совершенно неизвестна, или же отражена в неграмотных переводах с иностранных листовок.

Тем не менее, Китай явно движется вперед в понимании России и русской литературы; новый китаец уже не тот, что в прежнее время сосредоточенно замыкался в очаровании стариной, и он многое усвоит даже из того, что первоначально ему кажется у нас еще более диким, нежели нам кажутся некоторые переводы с китайского.

Правда, мы гордимся, и имеем на то право, тем, что у нас есть люди с филологическим и, вообще, научно развитым пониманием Китая, чего, повидимому, у китайцев нет. Но не надо забывать, что, во первых, мы находимся теперь при общем падении русской культуры, накануне ее исчезновения, быть может, с лица земли, а во вторых, что нам к переводам с китайского труднее привыкнуть, чем китайцам к переводам с русского, ибо запад теперь для китайца не то, что для нас восток.

В. Алексеев

